

АЛЕКСАНДР ЗОРИН

Вверх по водопаду

Книга стихотворений

Гроза утром

Вдруг абажуром ажурным
поле накрыло и лес.

Дождь с нарастающим шумом
шел, как по рельсам экспресс.

Вот уж по шиферным крышам
шпарит. Как стрелочник, вышел
я с фонарем на крыльцо.
Обдало паром лицо.

В ливне металась береза.
Листья летели в овраг.
Словно бежала с откоса
броситься под колеса
Да не решалась никак.

Разом отгрохотало
всюду — и прочь пронеслось.
Только береза шептала
что-то... и сумрак глотала,
вся голубая от слез

1983

ВВЕРХ ПО ВОДОПАДУ

Смелчака запечатывают в бочку
и бросают в водопад.

Реклама американского туризма

Ищу человека...

Диоген

I

В Ниагаре можно жить.

Раза в три себя сложить

и не вылезать из бочки.

Выждать время, не тужить -

львиный зев ее — цветочки.

Главное, в азарт не впасть

ханжеского послушанья.

Чувствовать, стеснив дыхание:

есть и над стихией власть.

И, пространство фонарем

освещая, не во всем,
между прочим, слушать грека...

Благодарен будь судьбе,
ищущий в с а м о м с е б е
поневоле человека.

II

Из тины, из руды
бурлящей, в столб воды
рыдающей — нет сладу -
к сверкающему граду!

В свинцовый столб воды.
И — сиясь тьмы громаду
рассечь, на зов звезды -
вверх, вверх по водопаду.

1982

НА ПРЕДЕЛЕ

Рабочее место писателя -
его ученый кабинет.

Пушкин

I

Приучен я чуть свет -
и в будний день, и в праздник -
вставать... Мой кабинет
в муниципальный транспорт
вмонтирован... В пути
я место обретаю.
Бывает, обитаю
я в нем часов с пяти.
Ем, сплю, пишу статьи
и толстый том читаю.

Минутами в обрез
весь день завязан туго.
И невозможно без
дорожного досуга.

Без паузы... Она
вагонным побратимам,
нам, свыше подана -
не хлебом же единым!

Так что учись всерьез
в толкучке и в болтанке
как заведенный... Нос
не вешай!
Всем - как в танке.

II

Бежать, лететь, ловить!
Хотя бы миг продлить
последний — на излете!..
Нельзя, нельзя так жить -
безвылазно в цейтноте...
В почтенные лета...
Уж зубками — да, да -
не разгрызешь орешки...
К тому же суета
одолевает в спешке

в любой...

Плеснув огня,

такой скандал закатит!

Нет больше у меня

сил... Не хватает дня!

И жизни — всей — не хватит.

III

Перебарывая тяготы рывками,

вверх по склону — на пределе, на аркане...

Миллиметр за миллиметром, пробиваясь

по грязи... Зараза, цепь на лысом скате

бесполезна! Посреди дорожных каверз

и оплошностей, настигших в результате

злой нервозности... За что и поплатился:

прокололся, покачнулся, покатился...

IV

Бассейн — моя вторая школа.

Забуду ли, как в водном поло

выкладываются мастера!

Кипит игра на грани фола.
Но мяч — невинней, чем виола.
Искусство больше, чем игра.

Когда под сердцем острие
как место отыскать свое
в водовороте, в круговерти!
Жизнь зиждется на грани смерти -
вот статус действенный ее!

А мне ли действие глагола
не знать, палящее сердца?..
Когда еще оно — крамола.
Ждет отовсюду произвола.
Свисткам судейским нет конца.

Идешь ли, падаешь в тумане
или в недружелюбном стане
ютишься, прикрывая тыл, -
удержишься, но лишь на грани
на самой — на пределе сил.

1987

На пустом урочище лесхоза,
посреди времянок и халуп,
красовалась стройная береза.
Да попала и она на зуб.

По апрельской роздыми вершиной
мазанула шумно, и — конец.
Пень открылся — влажный и обширный,
словно стол, не сосчитать колец.

Бригадир, помешивая кашу,
наблюдал, оставил на огне...
подошел, и взял топор, и чашу
золотую вырубил во пне.

И мгновенно стала наполняться
Чаша соком сахарным, хмельным.
В самый раз таким опохмеляться.
Пей, начальник, и оставь другим.

Зябкими, латунными губами
к озеру припал, как прокусил
то, что к жизни смутными толчками
поднималось из последних сил.

1980

Сидя у печки в самом теплом углу,
ржавым напильником — другого нет — затачиваю пилу.

Жизнь положил, чтоб нехитрую эту науку
знать назубок. Узнаю каждый зубчик по звуку.

Трудно двуручкой пилить одному сырую осину.
Надо бы все ж приспособиться, к стойке приладить резину.

Длинное черное дерево мокнет возле навеса.
Еле вчера приволок из соседнего леса.

Стонет пила, звенит под нещадным железом, будто впервые.
Зубчики вы мои — остроклювые, тупорылые и кривые.

Долгая песня... На каждый уходит по году.
Пообтесались, понятно, пилят не воду...

1984

Паводок

Ослабились ржавые прутья
забора. К березе припал.
Тугие снега на лоскутья
отчаянный март разодрал.

Плывет по низинке отлогой
убранство дубравы убогой...
Пустынная рябь впереди...
Путь к дому — кружною дорогой,
заоблачной... Так не пройти.

1976

По дороге в церковь

-Сын пьет?

-Пьет... Ладно бы просто пил, - бьет.

Нет, живет не со мной...

Как-то возвращаюсь домой,

колдыбаюсь о костыли,

ноги как не свои.

Еле-еле залезла на третий этаж.

Гляжу — дверь настежь,

выпотрошен трельяж

и комод... уж в сундуке шурует.

У чужих не ворует...

Можно у матери у родной...

Я — за соседями... А он-то, дурак шальной,

как начал меня гвоздить чем попало...

Я не кричу — молчу,

боюсь, каб его милиция не забрала.

А то ведь потом придет — убьет.

Три дня не вставала, не пила, не ела,

Лицо как чугун почернело.

Это он, ирод, в отца. Отец тоже бил,
хоть и не пил.

Войн прибрала...

Прости мою душу грешную, Бога молила...
А этого не берет ни тюрьма, ни могила.
За него, за синюшника, Царицу Небесную не прошу.
Только вот — второй крест на шее ношу...
За него, за изверга моего.

Идет. Постукивая посошком.
Окаменел в душе обиды ком.
Но в церкви забывается обида.
Да, в церкви той, благообразной с вида,
что так же измордована, забита,
как и она, сыновним кулаком.

1979

Телеграфный столб

без проводов...

Чашками, как надо, оперенный,
просмоленный... В кипени цветов
полевых. Кругом простор зеленый -
ни дороги, ни других столбов.

Дятел не осмелится стучать
по оглобле голой. Не почешет
боров шкуру, и бобер не срежет.
Век ему, безродному, торчать.

Кто ж его откомандировал
в глушь такую... Или сам восстал
из-под камня
на бугре прогретом?
Или ворон старый пролетал -
уронил перо на месте этом?

Дремный лес, яруги, да луга,
да болота, да гнилые гати...
Ты откуда, Черная Нога?
Как тебя, к примеру, величати?..

1980

Портрет жены

Танюшка, жена моя,
вымыла окно.

Славная, желанная,
верная давно.

Будто стекла вынула,
на подъем легка.
В избу небо хлынуло,
вплыли облака.

Заглянула рощица,
прячась в стороне.
Уж закат полощется,
плавится в окне.

К вечеру умаялась...
Ах, метнула взгляд -
птица вдруг ударилась
с лету о закат.

Примагнитил бедную
отраженный свет.
Наводить столь вредную
чистоту не след...

Деток убаюкала.
Открестила их
от чудного пугала
и от взглядов злых.

Не дай Бог накликаю...
Села у стола
с неразлучной Книгою
Благо ночь — светла.

Новгородская область, 1981

Заблудился. Надо было к логу
от болота взять еще правей.
В сумерках наткнулся на дорогу.
Зашагал к деревне поскорей.

Вот уж слышно, как собака брешет.
Вот и речка, и Кривой бугор.
Ни огня в деревне. Только блещет
Сириус.
Да светит скотный двор.

1976

Луг перед грозой

Поля, Полюшка, ау-у-у-у...

Сердце больно сжалось.

На некошеном лугу

Поля потерялась.

Ей высокая трава

словно лес дремучий.

Сверху волчья голова

прячется за тучей.

Белой бабочкой мелькнет

вдалеке косичка.

Ищет Полю, не найдет

старшая сестричка.

А она под лопухом

спит — и горя мало.

Целый день махать скачком,

бедная, устала.

Волосы белее льна.

Тишина льняная.

Дети на лугу. Жена -

близкая, родная.

Где-то хрустнул вдруг сучок...

Встать или не стоит?..

Неминуемый сачок

Нас вот-вот накроет.

1983

7 ноября

Лето отхлынуло и подарило окно на закат.
Сам я его пропилил в пятистенном закуте.
Пусть на деревню не смотрит и радуется взгляд.
И вечерами дозволит припасть, как к цикуте.

Пьет бригадирша цикуту свою из горла.
Пьет главмеханик по-черному — местный философ.
Наша пустынная местность себя изжила.
Господи, что-то здесь вырастет после колхозов...

К нынешней, к этой, уж точно душа не лежит.
Все раскурочено, выкорчевано с корнями.
В брошенном тракторе праздничный ветер свистит,
поле озимое дружно засеяв камнями.

1976

Каменное царство

1

Много лет воевал на чужбине солдат.

Била пуля его и турецкий булат,

и холера трепала. А он — все живой.

И задумал солдат воротиться домой.

Что здесь воду мутить! Только зря помирать.

Есть жена у меня. Чай, забыла, как звать.

Сапоги обменял, сухарей насушил.

И домой по долам — по горам заспешил.

Год шагает... Неблизок родимый предел.

Сапоги износил и запасы приел.

Вот навстречу ему попадается еж.

«Стой, служивый, куда-то ты босый идешь?»

Говорит, до земли наклоняясь, солдат:

«Била пуля меня и турецкий булат.

И холера трепала. А я все — живой.

Мне бы свидеться раз со своею женой.

Да на деток взглянуть, хоть одним бы глазком...

Не слыхал ли чего ты о крае моем?..»

Отвечает ему рассудительный еж:

«Край, который ты ищешь — найдешь.

Миновать его трудно. Узнаешь навряд.

Там не люди живут — истуканы стоят.

Видно, бес их учил. Ладно б выучил впрок...

Вот тебе эта пара свинцовых апог.

Как войдешь в отчий дом, не зевай, молодец.

Надевай поскорее на ноги свинец.

И ни с места не двинься, вокруг не смотри,

А три дня и три ночи молитву твори.

Знаешь Божью молитву, солдат?» - «Как не знать!»

«Ну и с Богом... Бери же могучую кладь».

Ох, и вправду грузна... Еле спрятал в мешке.

А пошел-полетел, словно был налегке.

2

Верно сказывал еж. Онемел стольный град.

Люди-камни. Таращат глаза и молчат.

Кто пел, кто мечтал, кто спал, кто курил -

всяк на разный манер одиноко застыл.

Этот с книжкой в руке, этот с ложкой во рту.

Тараканы снуют, как с плиты на плиту,

с лба прямого к соседу на скошенный лоб.

Ветер дунул — прошел по осинам озноб.

Обронила иголку мохнатая ель

на тюльпан. И оттуда попятился шмель.

Птицы кружатся, рыба играет в реке.

И на каждом шагу истукан в столбняке

затаился... «Встечали мы всяких в войну».

Отмахнулся солдат. И увидел жену.

Неподвижная, Марфа лежала ничком.

Шею, волосы запорошило песком.

«Али в землю вросла, али двинуться лень...»

Под щекою застынули слезы-ремень.

И, как в кузнице, бухало сердце в груди.

«Марфа, ты ли?» Похожа. Ее бигуди.

Дверь солдат отворил и ступил на порог.

Тотчас вынул он пару заветных сапог.

Ноги в них поместил и как вкопанный встал.

И взялся за молитву, которую знал.

3

Но не тут-то было...

Хлопнуло, завыло,

охнуло в углу.

Это вражья сила

высунула рыла
и вострит пилу.

Голых девок в избу
натолкалось — визгу!
И откуль взялись...
Статные, живые...
Ах вы озорные,
Брысь!

В сердце бьют навывлет.
Божье слово пилят.
Не распилишь, врешь!
Лишь молитвой смелой
град окаменелый -
сказано — спасешь.

Лишь молитвой правой -
всех, кому лукавый
залепил уста.

Ишь, садит напасти!
Так и рвут на части.
Нет на них креста.

Сжал солдатик очи
и три дня, три ночи
«Отчую» читал,
сплошь — за фразой фразу.
Из сапог ни разу
ног не вынимал.

Кабы только вынул,
тут бы опрокинул
бес в тартарары.
Явно или скрыто
в каждом сердце — битва.
Бейтесь до поры...

4

Вражью силу в себе одолел молодец.
И людей отмолил, оживил наконец.

Марфа первая в избу пустую вошла.
И глазам не поверила: «Ой, не ждала!»

Да и ждать-то когда, коль спала в лебеде?..
Разыскала детишек — валялись кто где.

И в согласии полном, другим не в укор,
стали жить-поживать. И живут до сих пор.

1977

Из цикла
«ГОД ОРУЭЛЛА»

Отпустите под честное слово.

Я писать ничего такого

впредь не буду. Бумаги сожгу,

в коих много «порочащих сплетен,

измышлений, угодных врагу...»

Отпустите, молчащий не вреден.

Отпустите отца к своим детям.

Чтобы с ними под крышей одной

ждать покорно грядущих событий.

Просто слышать их голос родной.

Просто рядом стоять т и ш и н о й.

Воспитать все равно не дадите.

Вот вам честное слово поэта,

для которого песня уж спета, -

гвозди делайте, гните в дугу,

мысль, любую, по спектру проверьте,

обещаю — умолкнуть до смерти.

А потом — обещать не могу.

1980

Из Цикла
«В ОКЕАНЕ»

Ни денег он, ни славы не стяжает.
И, получив писательский диплом,
он все равно шабашкой промышляет.
С семейным бытом запросто знаком,
детей привычно на горшок сажает,
по снегу учит бегать босиком,
воспитывая не под колпаком.

Свободный от поденного труда,
он сочиняет сказки иногда
для взрослых — увлекательно и смело.
И это нерентабельное дело
ему родня доверила всецело -
читательская, так сказать, среда.

Известно, что и рыбки из пруда
не выудить — без чистого искусства.
Он мастер — ас. Но океан глубок,
в котором кувырывается челнок -

его жилище, созданное впрок
по чертежам бессмертного Прокруста.

Так и живет он, в общем, не один...
на красном поплавке. Толчки глубин
чудовищных невольно замечая
по чашке расплескавшегося чая.
И доживет, быть может, до седин.

1982

Дом на Малой Остроумовской

Брызнул будильник. Следом за ним
заголосили один за другим.

Дверь проскрипела петлей дрянной.
Стронулся с места корабль дневной.

По полу гулко пятки стучат.
Мать матерится. Дети кричат.

Музыка. Кашель. Бодрая речь::
«Глубже дышите. На спину лечь!»

В верхней квартире оригинал
слушает утром старинный хорал.

Двиганье стульев, топанье ног,
храп из вистуллек. Слоеный пирог,

в рот заколачиваемый дверями.

И не с повидлом пирог, а с гвоздями.

1964

В веянье тихого ветра

В веянье тихого ветра
времени новый отсчет.
Ивы плакучая ветка
цветом каштана цветет.

Сдавленные веками,
в кладке — неслыханный клад -
обыкновенные камни
заговорят.

В веянье тихого ветра
щепку опустишь в ручей -
вдруг почковаться несметно
станут кристаллы на ней.

Жизни позорную прозу
руша, латая, кроя.
Друзу, прозрачную розу
вынешь из бездны ручья.

В веянье тихого ветра
мы не в себя влюблены.
Необъяснимого света
волосы у жены.

Разве нас с ней повенчали
молнии в море тоски?
Не было света в начале.
Не было этой строки.

В веянье тихого ветра,
только его одного,
явится все незаметно
из ничего.

1981

Умирающий Блок

Рояль развалила секира.

Растаяла лунная лира.

Раскатан по бревнышку дом -
печальное чудо ампира.

Все в прошлом. На дне. Подо льдом.

Безумие этого мира

наводит на мысли о том...

Где нет ни врага, ни кумира...

1977

Родственники

Большие плечи, ранние седины.

В глазах и глубже — светлая зола
чуть теплится. Сидят вокруг стола
мои родные, кровные руины.

Их лица из потрескавшейся глины
и нержавеющей блестящие рты
настолько незлобивы и просты,
что плакать хочется, собрав на именины
остатки молодости и тщеты.

Сказать друг другу нечего. Молчим.

Нет, есть, нет, есть, чего сказать мне им!

Рожденный дважды вовсе не стареет,
глубинно обновляясь день за днем.

Хотя состав телесный и на нем,
до времен ветшая, тяжелеет.

Мы все изменимся, не все умрем.

Спохватываюсь... Говорить об этом
уместно ли?.. Сплоченная родня

поглощена обильным винегретом,
как, впрочем, и родившийся поэтом,
их плоть от плоти, кость от кости — я.

1983

Восход Венеры

Тому, кто книг о небе не читал,
словарь земли — сплошные опечатки.
С геологами я его листал
лет десять — от Хибин и до Камчатки.
От «поля» к «полю» маятник стучал,
и молодость намыливала пятки.

Она так грубо затыкала рот
вопросами один другого спорней,
что я бы спился. Если бы не тот
Венеры знак: восход и разворот
ко мне. И увела из преисподней.

Якутия. Река Ниргилиндже.
Последний лагерь в Огненном каньоне.
Последние маршруты.
На ладони
колючий снег.
И смута на душе.

Я помню эту ночь. Как раз совпал
конец сезона с чьим-то днем рожденья.
В купели красной, в отблесках купал
нас всех костер, когда вокруг собрал.
И в кружки спирт бежал без промедленья.

Как в линзу, мир вошел в квадрат стола.
И я его разглядывал вплотную.
А между тем бессвязно речь плыла
и пьяная перелилась в блатную.

Ну, а когда зачинщики бузы
осатанело за ножи схватились,
я видел, как над нами две слезы
по небу отступившему скатились.
Похрустывал под сапогом песок.
Постой, товарищ, отдохнул бы малость...
И эхо разъяренное металось
во тьме Архея.

Трогала висок,
дрожала и заглядывала в лица
звезда, - еще тогда не назвалась.

Как будто бы искала среди нас
кого-то
и боялась ошибиться.

Моя о небе первая страница.

1977

КАМЕННЫЙ ЛИСТОПАД

I

Сланцами нависли.

Падая, гремят

каменные листья -

древний листопад.

Время не дремало

миллионы лет.

В почву впрессовало

свой державный след.

Свет потусторонний

смотрит как в глазок.

Весок на ладони

вечности кусок, -

склоны спеленала

листопадом дней

и мое начало

если есть, то — в ней.

Каменные листья -
древний листопад.
Нынешний пролился,
разметался — над...

два листка, два брата,
схожи как, близки,
той, Бог весть когда-то...
и живой ольхи.

II

Тяжелым листопадом мезозоя
рюкзак наполню и взвалю на плечи.
До лагеря уже рукой подать.
В каком созвездье, созревая, мы,
проклюнулись? Какое было небо
над нашей колыбелью? Пели птицы
или не пели? Тенями носились
большие птицы с щучьими зубами.
Под глыбой бронтозавра прогибалась
земля. Когда сходились для любви,
рык или клекот клекотал в их горле?

Еще был цельным материк Гондвана.

В горячих, нежных лапищах еще
его ласкал и холил Океан.

И так же, как сегодня, величаво,
с нагих ветвей

прах отрясала

вечность.

Тому назад сто миллионов лет...

Пустая цифра. Распрямить бы плечи,
в кровь стертые... Разуюсь у костра.

Уже Юпитер встал над Ключевской.

Сто миллионов лет... И он оттуда
глядит... Из тех глубин глядит... Оттуда.

І І І. Земля после людей

Кто знает - буруны или барханы

залижут те чудовищные раны,

которые мы выгрызли в тебе?..

В каком-нибудь неопалеолите

без нас ты будешь мчаться по орбите -
дробинка в пневматической трубе.

Кто сменит нас — медузы, осьминоги?..

Иль, не чета нам, человекобоги
оставят, может быть, плешивый шар,
как оставляют пахоту под пар?..

Я отпечатка времени руками
коснулся... И посыпалось, крошась...
Стопой листа оттиснуто на камне.
Глазастое и до и после нас.

И — после нас!
Мерцая отдаленно,
из самой гущи звездного планктона.

1975

Похороны Фиры

Великого не сотворили
обряда. Как вещь закопали.
Рыдает Абрам на могиле -
забрали, забрали, забрали...

В диаспоре тает основа...
Чего там — весь этнос и логос
вместило шершавое слово,
которое переживет нас.

Забрали. Под утро. Мы спали...
Отца... Из постели забрали...
В театре, на Рижском вокзале,
в подъезде — забрали, забрали...

К соседу — светило науки -
пришли, из-под койки достали
железными крючьями, суки...

Абрам прошагал до Берлина
войну, и кусок крепдешина
он Фире привез — не до жира...

Работал как вол, думал мало.
Таких, не забравши, сжевала
жевательная машина.

И вот словно поршнем прошибло,
о всех, погребенных в завале,
оттуда, из вечности — хрипло:
забрали, забрали...

1980

Я поминальник свой в дорогу
всегда беру. Вон сколько их,
имен, и близких, и родных...
Пока еще в нем, слава Богу,
усопших меньше, чем живых.

Дыханье вечности допишет
страницу прожитого дня.
Меня те и другие слышат...
Живые, - слышите меня?

1988

Внебрачное наследие ГУЛАГа,
дитя единокровное — общага.
Раскрыла пасть на трассе Усть-Илима.
Как ни крути, а не проехать мимо.

Гром и литавры бесконечной стройки.
Целинные былинные края.
Фанерной стенкой стиснутые койки.
Одна из них, из десяти, моя.

А на соседней, с Панькой Волосатой,
живет подросток,
из породы статуй.
Сильномогуч и абсолютно лыс.

Столовая и туалет дощатый
в замерзшей луже, в наледях слились.
Пристанище для обнаглевших крыс.

О, разве всем ниспослано терпенье
идти на свет сквозь мерзость запустенья!

И где он есть, тот благодатный свет,
когда кругом, как я, такие ж люди?..

Простым словам о святости, о чуде
поверил бы я в девятнадцать лет?..

1977

**В поисках исчезнувшей цивилизации,
или Каталог русских книг,
изданных за рубежом**

За десять долларов получите по почте
вы то, за что мы здесь получим пятерик.
Крамольный каталог — всего лишь горстка почвы
той самой... Затонул великий материк.

Ревнителю основ и доблести старинной
не дали размолоть себя на площадях.
Умея отстоять свой д а р непримиримый
и в громкой смене вех, и в окаянных днях.

Нырнуть на глубину — друзей подвергнуть риску.
Заветный манускрипт, как амфору со дна,
достать бы... Повезло тому аквалангисту,
который прочитал прямые письма.

Когда-нибудь — когда — потоп, конечно, схлынет.
И обнажит рельеф хлебнувших горя гор...

Чьи склоны и луга бескрайние обнимет
оставшийся от нас аллювиальный сор.

1980

Оранжевая палатка

Кочует в море трав,
покачивается сладко
наш верный батискаф -
оранжевая палатка.

На протяжении лет
немалых, слава Богу,
какой нас нежил свет!
Не снилось и Ван Гог.

От взгляда моего
зажмурившись, бессильна,
ты пряталась в него,
как в дольку апельсина.

За гранью теневой,
на стороне окольной -
пушисто-золотой,
раскованно-спокойный.

Очнись, оставь другим
Мечтать овечном лете.

Но из его глубин
И мы, и наши дети.

Большие черепахи были истреблены
первооткрывателями новых земель.
Ими набивали трюмы, как живыми
консервами.

Детская энциклопедия

Куда они плывут, головорезы,
решительные наши господа?
Зачем здесь тьма и скользкие железы?
И сколько нас напихано сюда?

Как ни смиряйся мудро или кротко,
а все же отвратителен их смех.
Опять визжит ужасная лебедка.
Опять кого-то подняли наверх.

У капитана громкие идеи

про Новый свет, про лучезарный век...

Дались ему морщинистые шеи
за долгий путь изъезженных калек.

Охота спать от качки постоянной.

Охота спать... Пока еще цела.

Мешает крыса. Глаз ее стеклянный
сверлит острее алмазного сверла.

Пускай войдет в нас скрытая зараза.

Пускай ее смакуют с чесноком.

Им отрыгнется лакомое мясо
на этом свете и на свете том.

Открыли остров, хлещут ром из бочек.

Открыли новых два — вошли в азарт.

Орут «ура!», по головам грохочут
ботфортами и лупят из ламбард.

Чего нам ждать в неведение и страхе!

Весь мир для нас — окованный кубарь.

Ведь мы еще не люди — черепахи,

стенающая, мучимая тварь.

1977

Как трудно больному бороться с собой.
Среди психопатов — остаться здоровым.
Как трудно быть неиссякаемо новым
в улыбке, в строке и всегда за строкой...
Как долго ты будешь, врагом завербован,
мычать или биться об лед головой?!

Покуда единство меж делом и словом
не выгнется вольтовой дугой...

Владеющий словом — владеет собой.

1985

Из цикла
«ТЕЛЕПЕРЕДАЧА»

Мама у телевизора.

Носом клюет, вздрагивает спросонок.

Беспомощный детский профиль: уснувший ребенок.

Безвольное тельце в углу допотопного,
переплывшего Лету, дивана.

А из экрана -

пафос двадцатых готов, грохот тридцатых!

Домны, знамена, колонны красных курсантов,
щетина штыков, всеобуч, субботники, стройки...

Тупорылый, самый большой по тем временам
самолет «Максим Горький»,

который, кстати, тогда же и грохнулся над Москвою
вместе с рабочими знатными и детьми. Слава герою!

Слава папанинцам!

Мама, очнувшись, -

храм не Христа ли Спасителя дружно взрывают?.. -

«Там моя юность, - говорит она с горечью, -

ты этого не понимаешь...»

И опять засыпает.

1986

Мать и сын

Он обуян гордынею? Едва ли...

Увы, не всем понятная, видна

в нем сила, что в былые времена

д о с т о и н с т в о м обычным называли.

Не каждому, конечно, сват и брат

он — жертва поголовного братанья.

Вот только нервы иногда шалят.

И далеко до самообладанья,

которым непонятно как сильна

его седая мама... И не близко

до всепрощения ее. Она

учительница в прошлом, атеистка.

Когда ее не раз терзала моль

начальственная — хищников хватало
и покрупнее... Попросту сжимала
до боли кулаки. И эта боль
извне пришедшую одолевала.

Не любит вспоминать о пустяках
былых... Зароется в газетной кипе...
Так в чем секрет: в зажатых кулаках?
В потерянной культуре? В генотипе?

1988

Воспоминание о друге-поэте

Покойник утопал в цветах.

Минуты две казенный Бах

над ним, блистая, покружился,

и гроб в пучину погрузился.

Он имя славное имел.

Любил, обманывался, пел.

Не завоевывал престижа.

И вот как береста сгорел.

Образовалась полость, ниша.

Незанятая пустота.

Как будто на краю моста

из близкой глубины сквозило,

куда б меня ни относило.

Ей брошенным дуплом зиять
сначала,

воя в непогоду.

Но время будет засорять
ее все больше год от году.

Иную сразу заметет...

уже — в природе нет пустот -
их отголосок реже, тише...

И наши именные ниши

Бог вытряхнет в конце времен,
когда сойдет на землю Он.

И новой плотью, словно соты,
заполнит прежние пустоты.

1980

О чем душа весь день скорбит?..
В замоте, в тягостном молчанье,
как будто в обмороке спит.
Отколготится, отболит
и просыпается — ночами
в глубоком сне... Хоть так побыть
с собою... А когда ж ей жить?!

И вот не тени на стене,
а чувства, что лежат на дне,
колеблются, со дна всплывают...
Ей кажется, она летает
и бодрствует во сне.

Лишь в сновидениях ночных
присутствует. Наречьем смутным

кому-нибудь на кухне утром
взахлеб рассказывает их...

И, занятая разговором,
вновь оживет на полчаса.

Внутри обращенные глаза
невидящим закрыты взором.

Так в доме, смерть гостит в котором -
косит из темного угла, -
завешивают зеркала.

1984

Ода моим башмакам

Ну вот и перезимовали мы с вами,
шитые по швам, перешитые,
импортной ваксой пропитанные насквозь.
Даже каши не просите, скороходы мои глинобитные.
Километров четыреста с осени отмахали небось...

По тупиковым проспектам, по лестницам и коридорам,
куда невзначай закатывался мой заработанный грош.
И где отпечатывался красноречивым укором
шинный след ваших рельефных подошв.

Обувь интеллигента — легче удержаться на склоне...
Холодноваты, конечно, и грубоваты на вид...
Впрочем, ноги не зябнут при таком марафоне.
Истинный интеллигент на месте ведь не стоит.

Марина Ивановна Цветаева, вернувшаяся из Парижа,

драгоценную грязь соскабливала с башмаков
и прятала в чистый платок... Для моих же
понадобится мно-о-о-о-го чистых платков.

Потому я свои башмаки оставляю у трапа -
на всякий случай... Не очень-то
с парижами и знаком...

Перезимовали, родимые... Вон уже моль из-за шкапа...
А летом за городом я предпочитаю ходить босиком.

1984

В новом районе

Иной масштаб. Иные перекрестки
и площади. Дома стерильно-плоски.
Так непривычен и пустынен вид
не по-московски правильных кварталов,
когда фольга осенняя звенит
о цоколи циклопических кристаллов.

Под стать домам акселераты дети.
Не то что их отцы, в барачной клети
родившиеся... Впрочем, плоть от плоти...
Закупоренные в иной масштаб.

Я помню, домик наш на повороте
желтел, под арку всунутый, как шкаф.
На костылях, урод среди уродин.
Урок архитектуры не бесплоден.
Пилястры чердаков и подворотен.

Обшарпанные, как обшлага, подъезды.

Фасады клубов — грозны и помпезны.

Забор на танцплощадочном плацу -

запомнился, как плеткой по лицу.

Пожаловал. Встал, как струна, протяжный,

холеный, двадцатисемиетажный

троянский конь.

1979

Школьный учебник истории

Ночами на кухне читал и готовил уроки.

История — та еще кухня! Все войны — житейские склоки.

Подлоги, погромы. Урвать у России, у Польши.

Все те же приемы. Грызется народу побольше.

Поближе бы к морю, к плите... Или святость престижа
внушить повсеместно. Бранятся. Позорят бесстыже.

В кастрюли плюют... И пошло... И пошла круговая!
Что совесть, что жертвы! Когда уж война мировая!

Когда две владычицы мечутся в пене и злобе,
отмщенье лелея, - виновны в падении обе.

Нет мира, нет мира в душе. На земле и подавно.

А был ли когда-нибудь?... Разве что в дни до Адама...

Когда унимался народ трудовой и батальный,
убогая кухня моей становилась читальней.

Замки на шкафах. Восемь счетчиков-мемориалов.
Ночные прозрения. Арена жратвы и скандалов.

1970

Детская

Среди земного ада,
среди ночных теней
пускай горит лампада
в комнате детей.

Высокий знак святыни.
Когда их сон глубок,
посматривает за ними
малиновый глазок.

Бабушкино наследство.
Бог даст, горит не зря.
И ты под нею с детства
росла — не то что я...

Над полкой неказистой,
среди игрушек, книг

да устоит Пречистый
незамутненный лик.

1980

Не будем ужасаться,
что черное черно.
В отчаянье бросаться
на стены. Отчего
чуть было в отчем доме
не спятили с ума.
Что мы узнали кроме
того, что мир тюрьма.
Не будем, в самом деле,
об этом — об одном.
Собратья озверели?
В любой семье — Содом?
И трупным ветром веет?
Но — смертный да не смеет
в унынье забывать:
где злоба матереет,
там крепнет благодать,

внушая б л а г о д а р н о с т ь
к Тому, Кто нам велит
принять как знак, как данность,
что мир во зле лежит.

1977

Апрель

Спать не хочется. Юный рассвет
сыплет в окна мне алые розы.
Ровным заревом залитый след
под санями звенит, как из бронзы.

Шорох слышен. Мужик за селом
нагружает на розвальни сено.
И сливается с юным теплом
сладкий запах цветочного тлена.

1975

Я эту зиму, случай спас,
провел как за глухой стеною.
В который раз, в который раз
судьба распорядилась мною!
Вот здесь и будешь сторожить...
Вот будка и объект за нею...
Ты, видно, не умеешь жить,
а грамотный...
-Да, не умею.

Вот будка и объект за ней.
А из столовой на объекте
старуха-дворник для свиней
таскала по ночам объедки.
Она брала огромный ковш
и над котлами колдовала.
Оттуда кости доставала
и предлагала мне: «Не хошь?»
Мохнатые, как валуны,

мослы обсасывала громко.

И тень ее до полстены
на кухне горбилась огромно.

Там было все-таки тепло.
Теплей, чем в будке и в подвале.
В помойке крысы шуровали,
и время медленно текло.

А минет ночь — я забывал
про все мытарства, лишь ступал
на вольный воздух за ограду.
Не шутки ради называл
стипендией
свою зарплату.
Ведь оставалось на себя
два дня последующих полных...

Снег утренний кружил, слепя,
и сухо вспыхивал, как порох.

1970

Очередные трудности...

все, что читалось в юности,

все надо перечитывать.

Голодным сердцем впитывать,

цедить глазами зрящими

азы образования.

За гранью выживания

провал образованщины,

балдения базарного...

Все надо метить заново.

Но времени взять столько-то

где ж мужу подневольному?..

В пыль молодость размолота,

шла по пути окольному.

А все ж поспела к празднику -

Святого Воскресения.

С чего начать? С терпения.

Открыть Христову азбуку.

1988

Как настигают стихи

Стихи осалили - и дальше.
Коснулись, а тебе водить...
Их первое тепло хранить
от порчи времени и фальши.

В столпотворенье, на морозе
стоградусном, в дурацкой позе,
сквозь сон невнятный, в темноте,
в блокноте или на листе
газетном, хоть на целлюлозе,
оставить бы намеки — *те*.

Наметки самые живые.
Успел — и можно дальше вскачь.
Нырять в тучи грозовые
и в лужи... Закусив калач
или кирпич... Ну-ну, не плачь.

Когда ж на свет им появиться

приспичит, не кричу «ура!».

Еще не знаю, не пора,

что выпало: перо жар-птицы

или, топорща завитушки,

цыплячье — из моей подушки.

1980

Клянусь, не привязан
я к модным лабазам,
к друзьям-звероловам...
Я сам не за мясом
охочусь — за словом.

За смутным, невнятным
комком сыромятным,
птенцом желторотым -
по нашим проклятым
житейским болотам,
по нашим высотам.

По ведьминым ямам,
по выжженным плешам,
за красочным самым,
за наиточнейшим.

На клекот откликнусь!

Добыча бесценна.

О, веская слитность
руки и прицела.

1987

Изданная книга

Здесь книги нет. Есть тень

от книги. Набекрень

и кое-как слепили

куски... Чем не мишень!

Пристреляно лупили

по ней редактора.

Да, даже по остатку!

Тень. На дыре дыра,

вокруг и сплошь — в десятку.

Иной пророк сравним

с шутом полунемым,

чей рот замазан тестом

иносказательным.

Пора — открытым текстом!

Пора. Открылась миру:

князь мира с е г о - гол.

И пусть он счета свел

со мной — с любимым, - чью лиру

уже не спрятать в стол.

1986

Поэт работает дворником.
А дворник служит поэтом.
Он занят собственным сборником,
а поэт — общественным туалетом.

Тот и другой стараются,
упираются честь по чести.
И как это называется,
когда всяк не на своем месте?..

Когда не своим приходится
делом добывать монету?..
Называется безработица,
которой у нас нету...

Реальность тире утопия.
Поэт права не качает.
Два раза в месяц пособие
по «безработице» получает

за то, что, асфальт отскребывая,
встает каждый день до свету...
У него здесь место особое:
место, которого нету...

1981

Сразу видать,
что он за птица...
Бросьте метать
бисер, божиться.

«Да» или «нет» -
без аргументов.
Прочее — бред
интеллигентов.

Проще взорвать
лунные горы,
чем расшатать
остов опоры.

«Да» или «нет»...
О, не случайный
плод... Многих лет
помысел тайный.

Не просто так
жребий мне выпал...
Ибо мой шаг
сделанный — выбор.

1976

В. М. Василенко

По нашим временам привычная картина:
честь идолу воздай и власти не перечь.
Трех отроков нашли. Трех братьев. Три — едино.
Связали и пинком — в бушующую печь.

Необозрима печь. Вольготно и просторно
внутри огню плясать и пожирать дрова.
Крошатся цепи гор, и плаваются озера.
И судорожно в них летит с ветвей листва.

И люди в темноте как факелы пылают.
Под сводами печи ползут или парят.
Глаза им застит дым, огонь из губ глотают.
Стеклобетонный дом огнем как сноп объят.

Шурует кочергой холуй Вельзевула.
Устал смолу и жир запихивать в жерло.

Из отдаленных сфер — прохладой пахнуло

на юношей живых...

Росою обнесло.

В бушующем гнезде все трое невредимы.

Кого благодарят согласные уста?

Кому посвящены возвышенные гимны,
рожденные в плену, на острие костра?..

Все раскаленной гул...

Сей мир, в распыле грозном,

тем, кто не от с е г о - волос не опалит.

Из глубины веков их голосом опознан,
и вторит их словам, и о своем гудит.

1979

Заветы Аввакума

Не верь! Не бойся! Не проси!

Сия премудрость на Руси

сияет в мрачные години,

подбадривает пугливый ум.

«Не клянчи, - рыкнет Аввакум, -

у подлой власти, у блядины!

Не скит сколачивать в бору,

а в самом полыме, в миру

будь — книгочей ты или плотник,

с их публикой настороже...

Жить на пожарище — уже

по нашим временам есть подвиг.

1980

Из цикла
«РУСЬ ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ»

Иностранцы в Успенском соборе

I

Живописной пестрою толпой
иностранцы перед солеёй
встали — братья вроде бы по вере -
к алтарю, ну, чуть ли не спиной...
Нас разглядывают, как в вольере,
из внимательного далека...

-Ничего нельзя наверняка
знать об этих русских... Неудобны
при контакте... И на все способны...
Непонятно, что у них в сердцах
потаянных — кротость или страх?..
Их премьер заводит с нами шашни...
Перестройка, гласность — ничего

не понятно... Но скорей всего
перестройка Вавилонской башни...

1988

II

Зря они все же пестрят,
схожие с трупной эстрадной.
Вдруг из толпы этой взгляд -
братский, живой, нестандартный.

Вместо протянутых рук -
раз дотянуться не можем -
будто спасательный круг
с палубы лайнера брошен.

Родственный искони
по неизбывной причине.
-Вы не одни, не одни,
русские, бьетесь в пучине!

Вот бы кому новостей
высыпать... Но запестрило,
но закрутило гостей
и евхаристией смыло.

1988

Вкушая тараканий мор,
пьем чай на кухне. Разговор
о том, о сем обыкновенный
течет... о возрасте Вселенной,
о том, что с некоторых пор
мы хлеб едим канцерогенный.

Опасен крымский виноград.
Опасен джем из красных яблок.
Опасно все... И в почве яд,
и в воздухе, и в мыслях дряблых.

А гость мой, кажется, шутник.
На воле вырос... Не привык
жить в атмосфере ядовитой.
Бедняга, к форточке открытой,
как к выхлопной трубе, приник.

Обложены со всех сторон.

Не до последних ли времен
дошли мы, ощутив усталость?..
Одно, последнее осталось -
у Бога помощи просить.
Довериться единой воле
Того, Кто в силах защитить
от зла и злаковое поле,
и нас..
Случайное застолье
попросим же благословить...

1979

Донный реализм

Из моего окна видна помойка.

Ну, редко кто, в нее не заглянув,
проходит мимо...

То журавль свой клюв
вонзит, то юркнет мышка-землеройка.

А то тюки разворошит жираф...

Интеллигентно в стопку отобрав
журналы, полку, вышедший из моды
сапог — на случай слякотной погоды
хорош вполне... а может, так, в архив...

Благодаря изъяну иль недугу
себе покой, наверно, заслужив,
вещь будет снова мыкаться по кругу...

Не так ли и душа, всю жизнь томится
иная — выжата, разорена...

С другими в кучу свалена она.

Вдруг на нее какая-нибудь птица

положит глаз — глядишь, и пригодится.

1981

Из детства

Там, за кремлевскими стенами,
за рафинадными зубцами,
из пряников возведена
гора. На ней портрет с усами -
великий вождь. В тебя глазами
прищурился. Пошел он на...
А здесь, в полуподвальной яме,
рожденная, мечта одна
не оставляет пацана -
найти бы кошелек с деньгами...

Все найденное не впрок,
как и ворованное- тщетно
его учили... Незаметно
он чуть не в каждый коробок
вникает, ученик несносный,
выуживая из под ног
и спичечный, и папиросный.

И раз, по щучьему веленью,
по неотступному хотенью,
под Новый год судьба послала
ему и брату сто рублей.
Сто - цельной пачкой — снегирей
в снегу лежат — хватай скорей!
Вот где душа возликовала!
Где сказка обернулась былью,
овеянная снежной пылью.

Чтоб за стеной не слышать пьянку,
он в книгу окунет лицо -
там, где про скатерть-самобранку,
про чудодейное кольцо.
Ему чудес с лихвой хватило...
Еще прибавлю, правды для:
сияла лампа Аладдина
из пряничного кремля.
Из проруби вещала щука,
набрасывая тень на плетень,
что сказка сбудется — порука
приманчивая по сей день.

Фортуны карусель слепая
блефует. Брат мой одичал.
Рычит, мяучит по ночам
и вскрикивает, засыпая.

А выглядит почтенным мужем.
Не обжирается на ужин.
Не пьет и вроде бы здоров,
не курит, с шахматами дружен,
обыгрывает мастеров.

И правда, прелесть-то какая!
Как снег под пятками визжит,
когда он, плавками сверкая,
к замерзшей проруби бежит!

Во сне врачует нас покой...
А он — уже немолодой -
сплошь судорога, шрам на шраме!

Таких отчитывают в храме,
кропят крещенскою водой.
Сумятицу душевной боли
еще возможно соскрести,
когда бы сам по доброй воле
сказал он: «Господи, прости!»

1985

Отец троих детей. Они, как груши, виснут
на нем. Молчит. угрюм. Пьет в кухне чай спитой.
В оцепенении...
как будто бы притиснут
он заживо к земле могильною плитой.

Да разве кто-нибудь останется счастливым,
насильственным себя смиреньем изнузив?..
Земная нищета, тщета — сквозит разрывом...
В оцепенении
незримо зреет взрыв.

1986

Чуть тронул шмель басовую струну
в шиповнике густом,
и долго-долго
струна гудела. Плотный круглый звук,
блуждая, плыл в галактике, объятай
миллионом пышных солнц. И вдруг пропал.

Малиновка как будто ножик точит:
чив-чив, чив-чив, чего-то там хлопочет...

Из пня, валяющегося под забором
и толстого, как чушка, на котором
рубили лапник, устремился вбок
упрямый стреловидный стебелек.
Из пня, заткнувшего дыру в заборе...
В корявое искромсанное тело
березовое семечко влетело.
Отзимовало и пустило корни
и гонит сок вечнозеленой кроне.

Под сенью дуба на сухой земле
поленница сияет, как подсолнух.
И кувыркаются в кудрявом небе
стрижи — стригут воздушное руно.

Мир чист и переливчат, как созвучье.
Чтобы его понять и полюбить мне,
о, - без метафоры не обойтись...

1985

Позасыпали садоводы все овраги,
бочажки и болотца заглушили.
Комар носа не подточит. Каналья,
уж не пискнет над ухом. А из черемух
не защелкает соловей-разбойник.
Унылы садоводческие квадраты.
Это тебе не хутор на Валдае,
островок, вокруг которого в мае
клокотал бессовестный хор лягушек.
Впрочем, там они тоже примолкли.
Химзавод их живо утихомирил.
Что ж, будем жить и возделывать отведенный квадратик
и не будем обижать лягушек,
чьи икринки в ничейных лужах
похожи на скопления галактик.

1983

Диктору

Ухоженный холуй рассказывает басни,
которые сложил не дедушка Крылов...

Я думаю о неминуемой казни.

Ее достоин говоритель слов.

Я думаю, что он один из первых
ответчиков, восславивших тюрьму.

Пустыни глаз обращены к нему.

И слепнут дети от фальшивых перлов.

Ну, откажись, прожженный лицедей...

Ведь если каждый, становясь смелей,

себя к элементарному принудит -

прислушается к совести своей,

у лжи не будет рупора. Не будет.

Когда вещает черная дыра,

подумаю: а моего пера

неистовство

не уличить в соблазне?..

А то и я достоин той же казни.

1974

Вертлявый юноша боготворит театр.
Ведет подругу в дорогой партер.
Довольно перспективный кавалер,
ей мысли бередит как сексвибратор.

Он независим, но до славы лют.
Он искренне играет в либералы.
И пишет прозу, ту, что издают
охотно комсомольские журналы.

Увы, запомнить взгляд его нельзя.
Плывут в философическом тумане
защитые ресницами глаза,
как на скупых портретах Модильяни.

Как я хочу
жить на земле, землей!..
Преображая вечной новизной
ушедший день — и радостный и хмурый.

Как не хочу я жить л и т е р а т у р о й ,
встречаться с ним у кассы выплатной.

1977

Третьяковка. Зал икон

В ликах икон под стеклом отражаются лица.

Хочется перекреститься.

Галстуком пионерским занята ученица.

Охорашивается бесцеремонно светская львица,

рота солдат на которую жадно косится...

Что ж тут такого... И в храме косились, бывало.

Лик Одигитрии — чище не сыщешь зеркала.

Яблоку негде упасть — столько народу...

Нет, всех не спишешь на моду...

Смотрят, как в воду

с берега, чувствуя свет за стеклом, за веками.

Сбоку встают. Восхищаются. Машут руками.

Владимирская Богоматерь здесь сохранится

лучше, чем где-нибудь...

Хочется перекреститься.

толпа, напирая, полощется в раме, роится.

Царица небесная, матушка,

Византийская наша Царица.

1985

Хранитель древностей

Горят, как золото в кивоте,
тома старинные. Они
в культурных семьях нынче в моде.
Весь «Современник» в переплете.
И Брем, и Гофман, и Парни.

Не эту ль книжицу в Лицее
сам Пушкин некогда читал?..
Ах, выроните, ах, поскорее
вернуть ее на пьедестал.

Коллекция роскошных Библий.
Взгляните-ка, прелюбопытный
новейший экземпляр с Дали.
Взглянули. Далее пошли.

На спинках кресел купидоны.
И от полу до потолка
эмаль, оружие, иконы.

И взгляд жены, как взгляд Горгоны.

И в перстне тонкая рука.

Брокгауза клавиатура...

Мечта моих школярских снов.

И полный Даль, в котором слов

ненужных царская цензура

не находила. Гостю рад,

открыл хозяин наугад

на слове «жопа». И при этом,

блистая вольным этикетом,

к нему пословиц длинный ряд

прочел изысканным фальцетом.

1976

Жизнь, как видим, не остановилась.

Уж давно советская насквозь.

Божья Матерь в кухне притулилась.

В горнице ей места не нашлось.

У печи старуха суетится.

Ставит тесто. Гостю говорит:

«Дочь моя меньшая — фельшерица
и держать иконы не велит.

Вот помру, тогда хучь выносите
вместе с гробом... а покуль не дам...»

Топчут куры белый хлеб в корыте.

И снуют бесстрашно по ногам.

Снег лисицей ластится у двери.

Печь дымит, и образ не видать.

Божья Матерь прячется в пещере
вместе с Сыном. Ей не привыкать.

1978

Утро

В гремящей разболтанности утреннего трамвая
понуро стоим, не успев от постелей остыть.

Печальная девочка, куклу к груди прижимая,
сказала дремавшему дяде, отцу, может быть:

-А бабушка Клава снова станет живая,
когда все воскреснут...

Снова нас будет любить...

1980

Берег Маклая

Ищу что поесть, ищу что поесть...

За день набегаюсь, вымокну весь...

С кочки на кочку — заботы житейские.

Голову вниз и — ворон не считай.

Аборигены новогвинейские

рыщут. Дивится Миклухо-Маклай.

Некогда за нуждою присесть...

Ищу что поесть, ищу что поесть,

ищу что... работой, любой, не побрезгав...

Где вы достали колбасных обрезков?

Где, где вы взяли? А там еще есть?

Цепкий и жилистый папуас.

Щупы на месте опущенных глаз.

Рот приоткрыт, чтоб в лазурные дали

мимо пернатые не пролетали.

«Что это за непонятные пассы?

И странный обычай делать запасы?» -

вслух размышляет приезжий этнограф,
пряча галеты от взглядов недобрых.

Следом и дети мелкой побежкой...
Дружно бросаются за сыроежкой.
Спорят, кричат: у-ла-лай, у-ла-лай!!!

И не пытайся, ученый Маклай,
влезть в нашу шкуру и мысли прочесть...

Днем с фонарем,
ночью с огнем
ищу что поесть,
ищу, что поесть,
ищу, что поесть,
ищу, что поесть,
ищу что поесть,
ищу что...

1978

Что посеешь — не твое.

Не твое и то, что смелешь.

Коммунальное жилье

вечно с кем-нибудь да делишь.

То с соседом за стеной,

то на кухне с тараканом.

То в гостинице дрянной

с храпуном, смертельно пьяным.

То — этаж над магазином -

с целым выводком крысиным.

Из углов они глядят,

словно вытурить хотят

и занять твою жилплощадь.

То с соседом, то с клопом,

то, в самом себе плутая, -

область-то необжитая, -

с приживальщиком-рабом.

Прячется во тьме кромешной
раб греха, твой друг сердешный.

1980

Матрешка

Сергею Ермолаеву

Неохватная с боков,
выросла до облаков.
Ширится и громоздится
в толстых щупальцах граница.
В ней ужалась потесней
зона лагерная. В ней
БУР поставлен специальный.
Карцер в нем, как гроб хрустальный,
весь просвеченный в глазок.
В гробе — узник, одинок.
И ни койки, ни окошка.
Но — не кончилась матрешка
этим зэком изначальным.
В животе ее глобальном,
бодрый сохраняя вид
своротить способный горы,
узник в узнике сидит -

тесная душа. В которой

плотно запечатан мглой

страх — Кощеевой иглой.

1980

Белый-белый сумасшедший дом.
Каменный квадрат двора высоко
зашнурован проволокой. В нем
санитара бдительное око.

Сто больных гуляют за стеной.
Коротают время до обеда.
Есть среди гуляющих больной
безнадежный: мания побега.

Был он знаменитый акробат,
три сальто и винт работал с крупа.
Но однажды промахнулся глупо...
Се ля ви, никто не виноват.

Не такой уж сладкою была,
видно, роль эксцентрика и мима,
что в него, в несчастного, вошла
тяга прочь от всех необоримо.

Как ни караульте, все равно
увернется — цепкий и поджарый.
По стене, как ящерица... Но
вдруг повис на проволоке ржавой.

Бедный-бедный, сильный человек...
Смотрит виновато и послушно.
Он среди законченных калек
выступает слишком прямодушно.

Удерет... Что делать с дураком,
вылечить которого непросто?..

К воле, к воле встретится ли в ком
столько затаенного упорства?!

1976

Нас убаюкает с тобой
кукушка песней колыбельной.

Когда между мною и травой
ты вытянешься тетивой,
простор обымет беспредельный -
оранжевый и голубой.

И ослепительная зыбь
внезапно и сладчайше ранит.
Как двух глубоководных рыб,
в небытие, назад утянет.

Тогда — среди седых громадин,
бурунов рыщущих и впадин,
над пенистой пустыней вод,
пульсирующих в ритме сердца,
я вижу — светлый всплеск младенца.
Я вижу — человек плывет.

Его захлестывает, гонит

вдаль...

Выплывет или утонет?..

1977

Женщина

По грудь в чешуйчатой волне
плывет — у зверя на спине,
из Азии — издалека...
Собой смыкая берега...

На ослепительный песок
соскальзывает — со спины бросок, -
чтоб рядышком — озноб от плеч
устало и покорно лечь.

И волосы ее прольются
на луг, где лошади пасутся.

Вся в золоте моя жена
лежит — детьми окружена.
Вся в жемчуге шипучих брызг...
Когда бежит — девчачий визг
и гомон катятся вдогон.
На пляже ни души кругом.

Рай от райцентра далеко.

Мотив с сюжетом Жерико

вынашивается в этом лоне:

у моря женщины и кони.

1986

Юность

Полдень в истоме.

Спят камыши.

Озеро. Кроме

нас - ни души.

Весла ослабли.

Лодка плывет.

Солнце по капле

пьет нас и пьет.

Звонкая юность -

сила и стать.

И никому нас

там не видать.

Прикосновение

к тайне святой.

Дни сотворения.

Этот — шестой.

В сонной пустыне
расплавленных вод
ломанных линий
всплеск и полет.

1970

Нет, нет, я был несправедлив,
когда ни в чем не видел смысла.
Я музыку забыл, порыв,
захлестывающий бескорыстно.

Бог знает сколько еще мне
перетерпеть на этом свете.
Но музыка — как свет в окне.
А мы — ее больные дети.

1966

Греция — сон нескончаемый... Разве я,
алчный свидетель, оставить решусь
время и город, в котором Аспазия
тайно венчала верховный союз?

Ложе цветами усыпано. Лилии
в пене волос, как на лоне реки.
Пеплоса мягкие, вольные линии
вторят плескучему взмаху руки.

Видимо, так сочетался в согласии
с жизнью естественный идеал,
что непреклонность прекрасной Аспазии
Фидий Афине невольно придал.

Камня достойно лишь вечное, главное -
то, что, наверное, скрыто от глаз.
В греческом мраморе истина явлена,

та, что как эхо скитается в нас.

Мера — исток благоденствия в Аттике.

Мера, отступники, самая суть.

Ритм у запястья, кольца Галактики -

мера: к безмерному

единственный путь.

1967

I

О, никогда так не дышалось
стесненно... Видно, от трудов
земных... Сгоняя семь потов,
накапливается усталость.

Раздрызг от дачных электричек,
от глупых, безуспешных стычек
за место — в пользу стариков.

И от свинцовых рюкзаков
с продуктами. Связь не распалась
времен, коих закон суров...

И мама с сумками таскалась
 всю жизнь... Сведенных уст усталость,
отцеженная в сетях
житейских, в площадных страстях,
на дно осела и осталась

там плотно, как мышьяк в костях.

1983

II

Всем труженикам исполать!

Побойся мизантропом стать,
жующий горький хлеб обиды...

Оно, конечно, не акриды
и дикий мед... Но — исполать

всем труженикам! И, выдавший виды,
о чуде можешь ли не знать?

Все обнимает благодать -
и скорбь, и боль, и пестициды.

1986

Как, ютясь под нависшим обвалом,
научиться действительно жить!
Не бежать, не пластаться по скалам...
Неизменно довольствуясь малым,
как за малое благодарить!

За цветы подмосковного лета,
за возможность читать до рассвета,
когда дети уснут — мал мала...
За приют проходного угла...
И, наверно, за то, что комета
нашу Землю еще не сожгла.

Как в преддверии катастрофы
воздвигать нерушимые строфы,
не блуждая в мечтах, не кляня
вероломной судьбы повороты...
Зная только — у каждого дня

есть свои коренные заботы.

Вот и заговорили, запели

благодарные струны капли...

Научиться бы и в конуре,

пусть продутой насквозь! - в цитадели! -

набираться отваги в апреле,

защищаться от выюг в декабре.

1983

Что происходит на борту
авиалайнера, который
с шасси – единственной опорой --
никак не сладит на лету,
не высвободит... В ледяном поту
уже теряет высоту...

Что там — в затянутой петле?
Что с ними там — еще в тепле
родном?... С пылинки глаз не сводит
Вселенная... Что происходит?
То, что и с нами, на Земле.

1980

Рубка леса

Ах, как весело целует,
как отчаянно звенит!
На лихом коне гарцует -
щепки брызгами в зенит.

Дерзким посвистом рассеет
пересвистыванье птах!
Брага, буйное веселье,
низвергающее в прах.

Вслушиваются поляны.
Белозубы и востры,
вкруг стволов дремуче пьяных
пляшут, пляшут топоры.

1964

Признание

Если стихов не пишу — не люблю.
Возненавидьте, под поезд бросайтесь.
Глухо. Каких еще вам доказательств?
Я вам с три короба наговорю.

Я обещаю, как друг или брат,
часто звонить, на концертах встречаться...
Ужас какой: обещать и ручаться -
если стихи безнадежно молчат.

Наиточнейший сигнал: ни гугу.
Ну, в чем я виновен? И что я могу?
Если чарующий ключ иссякает...
Если один только он высекает
незаменимую искру-строку.

Все остальное — базарить слова.

Чувства, вышколенные в привычку.

Будут шипеть, как сырые дрова -
рифму подсунешь под них или спичку.

1970

Стой, время, не греми!

Наскучил поединок.

Он, спьяну, черт возьми,
грохочущий будильник
хватил об пол... чудак...

Ну, разве тише стало?!

В самом же точно так
в нем время грохотало.

1968

Деревья

Когда-то в ласковых зеленых лапах

здесь копошились выводки грачат.

Ну, а, сегодня, небо расцарапав,

культи короткопалые торчат.

Лишь оттенив лазоревое утро.

Они, в апрельском зазеркалье луж,

как будто наши двойники, как будто

рентгеновские снимки наших душ.

1964

Противостояние Венеры

Из пены волн рожденная, видна
на горизонте синяя планета.

Ее дыханьем молодость полна,
как паруса бегущего корвета.

И за кормой струится тонкий след.
И наверху прокалывает снасти
ее дрожащий изумленный свет,
пульсирующий как у запястья.

Толпится в ступе темная вода -
в необозримом лунном океане.
Но кто мы? И откуда? И куда?
И как ее пронзительно мерцанье.

1968

Дом престарелых

В завалах буйной зелени, в глуши
высоких лип и тополей высоких
укрылись стены, башни и бойницы,
и в гуще веток — клацканье ворон.
Старинный замок Эдольский... А ныне
дом престарелых. Тесный двор мощен
прохладным камнем. Выщерблены своды.
И отовсюду, словно на песок
из недр глубоких, шевеля глазами,
на солнце выползают старики.
Живая ветошь: блузы, щеки, пальцы,
вцепившиеся в край скамьи.
На галерее сушатся матрасы.
На галерее, где когда-то в полночь
бесстыдный граф Шарлотту обнимал.

Что ж, старость, узнаю твои уроки!..

Но как, скажи, от самых полных лет,
от смелых лет, от молодости гордой
достоинство сберечь?..

Чтоб защищаться,
когда придешь ты...

Если ты придешь...

1969

Грядущее не за горами.
За скобками — всей суммой вне.
Оно как рыба на лине.
А мы поверху — в тине, в хламе.
И в нас черты его вчерне.

В даль вглядываясь, лбы расплющим
об лед стекла. Живу грядущим.
Вчера сегодняшним. Примет,
однако, и в помине нет,
ради которых жил. Прогнозы
все врут. Одни метаморфозы.

А жизнь летит. И скорый снег
сулят октябрьские морозы.
Был или не был человек?

Уронит голову, как знать,

он на подушку ли, на плахе.
Как Ахиллесу черепахи,
желанной жизни не догнать.
Но неослабно, день за днем,
решительным поводом
с ним безответная надежда:
еще все б у д е т. Жизнь безбрежна.

Ступая смело за черту,
он и в последнее мгновенье
с ней, с ней, несбывшейся, чему
ни имени, ни воплощенья
не знал он здесь.

1976

Из книги
«ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ
МУЖИЦКИЙ»

(По мотивам произведений художника)

Выбор доски

Избороздившие моря,
волной дубленные флиботы,
корветы, шхуны, буера,
которым на дрова пора -
еще сгодитесь для работы.

Не рухлядь, а Нептунов дар...
В мешке вонючего затона.
Но — Африки далекий жар,
но — дикий холод Альбиона
в них... миррой веющий восток
и Новый свет...
В песке увязли.

Из днища напилить досок,
да выварить в кипящем масле,
да раза три прогрунтовать!
Чтоб долго ржа не искрошила

и правду не запорошила
пыль времени... Кому стирать?!

Сухая звонкая доска.
Достойна крепкого мазка,
под стать испытанной основе.
Так с Богом! Кисти наготове.

Знал молчаливый ученик
придворного маэстро Кука -
основа в нем как материк.
Добротная должно быть штука.

В себя, как соль, как жар, вберет
дух ч е л о в е ч е с к о й породы.

И лишь тогда пересечет
века, как некогда широты.

Калеки

Соцветье жгучее калек.

Как грязь из-под копыт на снег.

А чем не человеки
несчастные калеки?..

Тем, что увечье на виду?

Или не платят дань стыду?

Как мы обычно платим,
нутро латая платьем.

Закрученный винтом хребет.

А в том полтуловища нет.

Пылят. Толкутся в ступе.

Тряпье на них, как струпья.

Их жалкий и свирепый вид

во всю вселенную вопит,

что мы-то с ними схожи,

здоровы и пригожи.

И как бы стать ни хороша,
а в струпьях голая душа
пустые десны скалит.
Зрачки на небо пялит.

Торчит осколком из груди...
Они — наш образ во плоти.
Нас — падших или гордых,
на палках и подпорках.

Дети

Это дети или старики?..

Головы на туловах коротких
неподвижны. Шапки, кожухи
крепкие сидят как на колодках.

Не смеются дети, не режут
на гончарном круге карусели.
Руки-ноги действуют, гребут.
Лица глубоко окаменели.

Потому, срывает ли цветы,
пальцем по тарелке колупает,
на лице уступы проступают -
взрослые тяжелые черты.

«Лишь здоровым было бы дитя...» -
мать твердит. Дитя вцепилось в руку.
За куском кусок, не отходя,

в рот ему сует, как в мясорубку.

Тащит за собой, почти влечет

волоком... пути не разбирая...

Это — счастье. Это — жизнь вторая.

Это — в перегной перегорая,

в старости за них, как за крючок,

уцепиться...

Шабаш ворон

На мертвом тополе кора

топырится и сучья.

Воронье мерзкое кра-кра

как кружево паучье.

С утра их распирает злость.

Ругаются картаво.

И каждая, как в горле кость,

на дереве застряла.

Не птицы — дерево кричит

дуплистое. Стенает.

За ним закат кровоточит.

Кор-ра

с ветвей

стекает.

Свадьба

Бум-бум тамбурины.

Виолы — пиль-пиль.

Башмаки мои из глины -

в пыль, в пыль, в пыль.

Бум-бум тамбурины...

Девки рослые.

Шеи — пышные кувшины.

Губы толстые.

Луг шафраном пропах.

Вечер близится.

Мне б на этих губах

сегодня выпаться.

Наливай и пей, пей!

Кулаками в пол бей!

Того орясину-балду

табуреткой — по лбу!

Угрожали и молили,

а я была наглая.

Сразу двое полюбили -

распилили надвое.

Гремучий горшок.

Дудка хриплая.

Бум-бум тамбурины.

Виолы пиль-пиль.

-Ай, поцелуй же меня!

-Ни за что, ни разу!

Ходит волнами земля

от такого плясу.

Того и гляди,

рас-трес-кается.

Танец под виселицей

Куда ни встань, все — виселица.

Намертво с пейзажем

обручилась. Высится

на пригорке каждом.

Осью мироздания

рядом — дай Бог ноги! -

для колесования

вырос на дороге

столб.

Роскошно скошены

под гребенку нивы.

Люди, как горошины,

круглы, хлопотливы.

Кто бревно-соломину

тащит, кто — корзину.

Сколотить хоромину
или домовину.

Нивушка-кормилица,
слава Богу, родит.
Весело под виселицей
хороводы водят.

Что за перекладина,
что за зверь, за птица?!
Хорошо посрать под ней...
В тенечке примоститься.

И вокруг открытое
небо голубое.
Облаком промытое.
Свежее. Большое.

Сон

Сморил-таки послеполуденный сон.

Залечь под любую корягу, как сом.

С лучком гребешки петушины сладки.

Набитое брюхо кладет на лопатки.

Свалил... На поверхность со дна, изнутри,
сигают один за одним пузыри.

И снится: высоко несет, как на блюде,
соседка свои богатырские груди.

Вздохнет — разрывается кофта по швам.
Нагнулась... сосками мазнув по губам.

Ох, сладко! Никто не зовет, не неволит.
Коса-сама-косит, копье-само-колет.

Перо высочайшую буллу само
напишет, приняв за чернила дерьмо.

Кисельные реки, колбасные кряжи.
Кругом непролазные залежи каши.

На что, человек, тебе дадена жисть?
На то, чтобы в залежах норы прогрызть.

Правосудие

Мы все в один костер, отмщением объаты,
подбрасываем дров... Продрогнувшие, рады
простить бы иногда... забыть... Да нету сил:
он мать мою убил.

Не помнить не могу: он столько обезглавил.
А был — Один, кто мог. И тем себя прославил.

-В грудную клетку — благую весть?!

-Не был, но — есть!

Вон нищий. Из ворот летят собаки с лаем.

Мы все в один костер, как масло, злость сливаем.

Безумная Грета

Безумная Грета, куда ты, куда?..

безгрудая. Дышит пещерою рта.

Бежать нелегко по наносам лузги.

Пашут как танки ее башмаки.

Богатую рухлядь в подол набрала.

Гремит сковородка на месте крыла.

За нею костров очистительный бред.

Вся нежить и нечисть слетелась на свет.

В развернутый зад поварешку воткнув,

пируют... Заходится клекотом клюв.

Две смачные девки в объятых солдат.

«Мы — истина голая!» - хором вопят.

Шишига стрекочет по струнам, как бард.

Куда она топает — в лавку, в ломбард?

А может, к концу и началу времен?..

Туда, где как уголья лес раскален...

Туда, где покатою темя земли

венчает кривая корона зари.

Торгующие в храме

Прохладно в храме и просторно.

Наставили столы, и стойла,

и клетки. Ветхий старичок

дубовый ларь сгружает с воза.

Сгрузил. Туда же поволок.

В углу — молящаяся слезно.

В другом — копытный стукоток.

Лубок из мирры и навоза.

По щиколотку сор, окурки...

В дверях играют дети в жмурки.

Не зной меновщиков загнал

сюда. Не признают святыни.

Сей храм единственный в пустыне.

Клокочет, как котел, кагал.

Пусть мастера баранов стричь
и жарить... Но зачем — во храме!
Зачем епитрахиль на хаме!
Кто их разгонит?..
Божий бич!
По лбам, по крупам!
Поверить трудно...
Но — предающий обречен.
Не верить, значит, жизнь — абсурдна.
И нет ее... И жить — зачем?

Прет вавилонская громада
за облака. Чащобы сада -
не райского ли? - на ступенях...
Кто им внушит — до камнепада! -
что к небу ближе на коленях...

За цепи городского рва,
за дамбу, рассвело едва,
сходились толпами, открыто...
И вторила псалмам Давида
тысячеустая молва.

Апостольские времена
вернулись. Как и обещали...
Раскачивали псалмы,
как колокол тугой. Мычали.
Евангелие вслух читали,
страницы, губы разлипали...
И слово Божие из тьмы
выламывалось, как вначале.

-Где ж проповедник? Этот, что ли ?..
-Вон тот, в камлотовом камзоле...

Уж солнце начало палить.

-Чего тянуть-то! Ждем с рассвета... -

Он выстрелом из пистолета

дал знак, что будет говорить.

Небо Брейгеля

Земля копошится — пестра и убога.

Косыми заплатами мокнут поля.

А небо?

Разлившаяся протока.

Деревню засасывающая полынья.

Румяный ручей. Через лес ниспадает

на стены,

на спины,

мечтателю в рот.

Бездонную синь колокольня бодает.

Крестьянин на вилы с навозом берет.

Почиет на сонных холмах безучастно.

Внизу — муравьиные войны и мор.

До времени дремлет.

До коих же пор!

В его оглушительных сполохах красных
прочтет, обреченный на жизнь, приговор.

Библейское небо... Высоко, безмолвно...

В траве растянуться — смотреть и смотреть...

Не так уж и страшно под ним умереть...

Гнилой, искрошившийся зуб Вавилона,
туда же нацеленный, скрылся на треть.

Расплескано в лужах.

Пустыми глазами

синюха мазнул по кувшину с вином.

Из этой же глины мы слеплены сами.

Из этой же, голубоватой, под нами...

Ее кремнезем разгрызают корнями
деревья.

И мы точно так же растаем.

1973-74

СОДЕРЖАНИЕ

Гроза утром	3
Вверх по водопаду	
«В Ниагаре можно жить...»	4
«Из тины, из руды...»	5
На пределе	
«Приучен я чуть свет...»	6
«Бежать, лететь, ловить...»	7
«Перебарывая тяготы равками...»	8
«Бассейн — моя вторая школа...»	9
«На пустом урочище лесхоза...»	10
«Сидя у печки в самом теплом углу...»	12
Паводок	13
По дороге в церковь	14
«Телеграфный столб...»	16
Портрет жены	18
«Заблудился. Надо было к логу...»	20
Луг перед грозой	21
7 ноября	23

Каменное царство	24
Из цикла «Год Оруэлла»	31
Из цикла «В океане»	33
Дом на Малой Остроумовской	35
В веянье тихого ветра	36
Умиравший Блок	38
Родственники	39
Восход Венеры	41
Каменный листопад	
«Сланцами нависли...»	44
«Тяжедым листопадом мезозоя...»	45
Земля после людей	46
Похороны Фиры	48
«Я поминальник свой в дорогу...»	50
«Внебрачное наследие ГУЛАГа...»	51
В поисках исчезнувшей цивилизации, или Каталог рус- ских книг, изданных за рубежом	53
Оранжевая палатка	55
«Куда они плывут, головорезы...»	56
«Как трудно больному бороться с собой...»	58
Из цикла «Телепередача»	59
Мать и сын	60
Воспоминание о друге-поэте	62

«О чем душа весь день скорбит?..»	64
Ода моим башмакам	66
В новом районе	68
Школьный учебник истории	70
Детская	72
«Не будем ужасаться...»	73
Апрель	75
«Я эту зиму, случай спас...»	76
«Очередные трудности...»	78
Как настигают стихи	79
«Клянусь, не привязан...»	81
Изданная книга	83
«Поэт работает дворником...»	84
«Сразу видать...»	86
«По нашим временам привычная картина...»	88
Заветы Аввакума	90
Из цикла «Русь тысячелетняя	
Иностранцы в Успенском соборе	91
«Зря они все же пестрят...»	92
«Вкушая тараканий мор...»	94
Донный реализм	96
Из детства	97
«Фортуны карусель слепая...»	99

«Отец тоих детей. Они, как груши, виснут...»	101
«Чуть тронул шмель басовую струну...»	102
«Позасыпали садоводы все овраги...»	104
Диктору былых времен	105
«Вертялый юноша боговорит театр...»	107
Третьяковка. Зал икон	109
Хранитель древностей	111
«Жизнь, как видим, не остановилась...»	113
Утро	114
Берег Маклая	115
«Что посеешь — не твое...»	117
Матрешка	118
«Белый-белый сумасшедший дом...»	121
«Нас убаюкает с тобой...»	123
Женщина	125
Юность	127
«Нет, нет, я был несправедлив...»	129
«Греция — сон нескончаемый... Разве я...	130
«О, никогда так не дышалось...»	132
«Всем труженикам исполать!..»	133
«Как, ютятся под нависшим обвалом...»	134
«Что происходит на борту...»	136
Рубка леса	137

Признание	138
«Стой, время, не греми!...»	139
Деревья	140
Противостояние Венеры	141
Дом престарелых	142
«Грядущее не за горами...»	144

Из книги

«ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ МУЖИЦКИЙ»

(по мотивам произведений художника)

Выбор доски	147
Калека	149
Дети	151
Шабаш ворон	153
Свадьба	154
Танец	156
Сон	158
Правосудие	160
Безумная Грета	161
Торгующие в храме	163
«За цепи городского рва...»	165
Небо Брейгеля	167

